

Лейкин Николай Александрович

Стукин и Хрустальников

Банковская эпопея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Стукин и Хрустальников: Банковская эпопея / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 346 с.

ISBN 978-5-519-92949-3

ISBN 978-5-519-92949-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— О, очень и очень даже можете!

Директоръ затянулся сигарой, пошамкалъ губами и продолжалъ:

— Вотъ видите, есть у меня одна дѣвица, въ судьбѣ которой я принимаю дѣятельное участіе. То-есть, она не дѣвица, но... Да нѣтъ, ежели хотите, то дѣвица... Ее всѣ считаютъ за вдову, но это неправда, замужемъ она никогда не была, и мнѣ именно замужъ-то ее и хочется пристроить за хорошаго человѣка.

— Вы желаете вашу даму выдать за одного изъ нашихъ служащихъ? подсобилъ директору управляющій.

— Да... Такъ вотъ, нѣтъ ли у васъ жениха?

Управляющій задумался.

— Надо сообразить, сказалъ онъ.

— Сообразите, пожалуйста, Иванъ Алексѣевичъ, разузнайте, переговорите и представьте мнѣ такого молодого человѣка. Впрочемъ, онъ можетъ быть и не молодой, но только холостой, смирный и почтительный. Также не хотѣлъ бы я, чтобъ онъ былъ пьющій. Понимаете... ужъ ежели благотворить, то благотворить достойному. Конечно, ужъ если мы не найдемъ трезваго, то можно взять и выпивающаго, если онъ не буянъ, но все-таки хотѣлось бы, чтобъ это былъ человѣкъ сколько-нибудь приличный. Дѣвица-то ужъ очень хороша, такъ жалко, знаете... Она держитъ себя вполне прилично, любитъ иногда почитать, можетъ поговорить, манеры ея не вульгарны, есть кой-какія культурныя привычки... Да вы ее знаете... Помните, въ прошломъ году въ маскарадѣ въ купеческомъ клубѣ? Помните? Я встрѣтился съ вами, предложилъ вамъ поужинать со мной, и съ нами была дама...

— Матильда Николаевна? спросилъ управляющій.

— Ну, вотъ, вотъ... Ее-то мнѣ и хочется выдать замужъ.

— Я ее тогда считалъ вдовой.

— Да вѣдь это въ сущности все равно. Это такіе пустяки. Конечно, она, такъ сказать, больше вдова... Но по паспорту дѣвица. Выдавая ее замужъ, я, разумѣется, ее награжу, буду даже ея отцомъ посаженнымъ, такъ какъ, надо вамъ сказать, у ней нѣтъ такихъ при-

личныхъ родственниковъ, которые бы могли занять этотъ почетный постъ. Такъ вотъ-съ... Да, не хотите ли вы ея фотографическую карточку? Съ карточкой вамъ будетъ нѣсколько удобнѣе предлагать ее молодымъ людямъ. Впрочемъ, опять-таки повторяю, что это можетъ быть и не молодой человѣкъ, но непременно холостой. Вотъ ея карточка.

Директоръ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда бумажникъ, а изъ него фотографическую карточку и, передавая ее управляющему, сказалъ:

— Не правда ли, дама хоть куда?

— Красавица, отвѣчалъ управляющій.

— А ужъ какъ избалована—ужась! Ну, вотъ видите, можно ли такую женщину выдать замужъ за какого-нибудь скота! Вѣдь это было бы святотатствомъ.

— Вполнѣ съ вами согласенъ, отвѣчалъ управляющій, любясь изображеніемъ женщины.

— Ахъ, да... Скажите тому, кого вы намѣтите въ женихи, что я даю избраннику въ день свадьбы тысячу рублей въ руки.

— Хорошо-съ... Я постараюсь.

— Можете прибавить, что ее я и послѣ свадьбы не оставляю своимъ покровительствомъ. И ее, и его. Его тоже не оставляю. Если же тысяча рублей ему покажется слишкомъ малой суммой, то дайте ему замѣтить, что онъ можетъ поторговаться при личныхъ объясненіяхъ со мной, и я что-нибудь прибавлю. Впрочемъ, прибавка къ тысячѣ рублей и не составитъ расчета для жениха, такъ какъ это будетъ лишь единовременное вознагражденіе, тогда какъ, кромѣ того, я могу обѣщать ему постоянное покровительство. Умный человѣкъ это сейчасъ сообразить. Такъ вотъ-съ, Иванъ Алексѣевичъ, въ чемъ моя къ вамъ всепокорнѣйшая просьба... Пожалуйста...

— Похлопочу, Лавръ Петровичъ... отвѣчалъ управляющій.—Мнѣ очень пріятно услужить вамъ.

— И ужъ будьте добры поторопиться и дать поскорѣе отвѣтъ, потому—такое обстоятельство, что время не терпитъ. Надо непременно въ началѣ будущаго мясоѣда и свадьбу сыграть, а то нехорошо будетъ вѣн-

чаться. Некрасиво... Ему самому некрасиво. Теперь еще это пока незамѣтно, а ежели отложить до февраля, то будетъ очень замѣтно. Надо, знаете, чтобы и для глазъ... Можете вскользь упомянуть, что и крестить ребенка я буду. На ребенка тоже тысячу рублей. Конечно, это мелочи, и я объ нихъ могъ бы уговориться лично съ избранникомъ, но все лучше, если вы напередъ скажете. Да и удобнѣе это, когда третье, не заинтересованное лицо говорить. Также объясните, что обстановка у ней прелестная. Прошлый годъ Лизере ей всю квартиру омеблировалъ.

— Скажу, всенепремѣнно скажу, Лавръ Петровичъ.

— Ну-съ... Такъ вотъ... Стало быть, ужъ я на васъ въ надеждѣ.

Директоръ поднялся съ кресла и взялъ въ руки шляпу. Управляющій поклонился.

— Ахъ, да... Вы такимъ, которые заносятся и имѣють фанаберію въ головѣ, не предлагайте, не стойте, прибавилъ директоръ.

— Я ужъ знаю, кому предложить. У меня есть такой на примѣтѣ. Его долги одолѣли.

— Ну, вотъ, вотъ... И если замѣтите, что онъ не прочь и поддается, то сейчасъ же назначайте ему прибавку къ жалованью, чтобы онъ зналъ, что это должно составить ему значительную выгоду по службѣ. Прощайте, Иванъ Алексѣевичъ.

— Прощайте, Лавръ Петровичъ.

— Стало быть, послѣзавтра я могу ожидать отвѣта?

— Полагаю, что я успѣю къ тому времени.

— Даже, можетъ быть, ужъ и представите его мнѣ для личныхъ переговоровъ?

— Если онъ будетъ согласенъ, то непременно.

— Въ крайнемъ случаѣ вы пустите въ ходъ строгость. Что, молъ, такъ и такъ... Иначе мы васъ должны будемъ упразднить. Знаете, это иногда помогаетъ.

— Да ужъ я знаю какъ...

— Ну, то-то... Въдь не даромъ вы у насъ считаетесь Соломономъ. Такъ до свиданія, Иванъ Алексѣевичъ.

Директоръ пошелъ къ дверямъ и остановился.

— Ахъ, да... спохватился онъ. — Вы упомянули

какъ-то объ увеличеніи вамъ кредита по вашимъ личнымъ счетамъ... Такъ мы...

— Да... Я просилъ... Потомъ, у меня есть вексель въ двадцать восемь тысячъ... проговорилъ управляющій.

— Такъ мы подпишемъ объ увеличеніи... Я попрошу всѣхъ. И насчетъ векселя... Онъ, кажется, долгосрочный?

— На двадцать четыре мѣсяца.

— Ну, все равно... Прощайте. Жду отвѣта.

Директоръ вышелъ въ другую комнату.

ГЛАВА II.

НАМЪТИЛЬ.

Иванъ Алексѣевичъ Безпутновъ, управляющій конторою Общества Дешеваго Торговаго Кредита, ходилъ по комнатамъ конторы, заложивъ руки подъ фалды визитки, хмурилъ брови и олимпійски посматривалъ по сторонамъ. При его приближеніи, артельщики въ каскахъ какъ-то усерднѣе принимались считать деньги и процентныя бумаги, изъ всѣхъ силъ стучая пальцами по денежнымъ билетамъ и листамъ; кассиры съ перомъ за ухомъ или въ зубахъ непремѣнно лѣзли за какой-то книгой и внимательно начинали ее перелистывать; пріемщики и контролеры разсыпались въ любезностяхъ передъ стоящей у рѣшетки публикой; конторщики пригибались къ реестрамъ и вѣдомостямъ и необычайно бойко набрасывали въ графы цифры; писцы, шедшіе за справками въ другія отдѣленія, не шли, а летѣли и считали непремѣннымъ своимъ долгомъ натолкнуться на что-нибудь, дабы показать свое рвеніе къ дѣлу. Всѣ старались поставить на видъ, что они работаютъ, не жалѣя пота, крови, не щадя живота своего. Какой-то коротенькій старичекъ изъ конторщиковъ даже сдѣлалъ страдальческое лицо, всталъ съ мѣста и началъ растирать руками поясницу.

Управляющій, между тѣмъ, остановился передъ одной изъ конторокъ и сталъ расправлять свои котлетовидныя бакенбарды. Сидѣвшій за конторкой конторщикъ усиленно стучалъ на счетахъ правой рукой и водилъ по бумагѣ, на которой были изображены цифры, лѣвой рукой. Это былъ пожилой уже человекъ въ потертой и порыжѣлой курткѣ и съ плюгавенькой бородкой на сѣро-лимонномъ лицѣ. Волосы его стояли какъ-то вихрами. Вся фигура имѣла забитый, жалкій и вмѣстѣ комическій видъ. Управляющій вынулъ изъ кармана носовой платокъ и звонко высморкался.

— Будьте здоровы, Иванъ Алексѣевичъ... обернулся въ его сторону конторщикъ, шаркнулъ ножками, поклонился и опять защелкалъ костяшками счетовъ.

Управляющій улыбнулся.

— Что вы желаете мнѣ здоровья? Я и не думалъ чихать, сказалъ онъ.

— Виновать-съ... Мнѣ показалось, что вы чихнули.

— Господинъ Парфеновъ, кажется? спросилъ его управляющій.

— Стукинъ-съ, моя фамилія Стукинъ, отвѣчалъ конторщикъ.

— Ахъ, да... Стукинъ. Такъ, такъ... Я перепуталъ. Вѣдь вы холостой?

— Холостой-съ... Совершенно холостой...

— То-то, я помню, что вы холостой. Мнѣ нужно съ вами поговорить, господинъ Стукинъ... Вы оставьте работу и приходите сейчасъ ко мнѣ въ кабинетъ, но сдѣлайте это такъ, чтобы замѣтно не было. Я жду...

Управляющій медленно повернулся на каблукахъ, заложилъ руки подъ фалды визитки и направился мѣрными шагами къ себѣ въ кабинетъ, а конторщикъ какъ-то весь съежился и сталъ перебирать бумаги.

— Ну... Вѣрно, браниться будетъ. Должно быть, въ кассу представлена моя росписка портному, а кассиръ и показалъ ее Ивану Алексѣевичу, думалъ онъ. — Господи! Какъ бы не согналъ съ мѣста... Говорятъ, у него уйма кандидатовъ.

Черезъ пять минутъ Стукинъ входилъ въ кабинетъ управляющаго. Войдя, онъ незамѣтно перекрестился.

Управляющій перебиралъ какія-то бумаги и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ вошедшаго. Стукинъ стоялъ у двери и наконецъ слегка кашлянулъ.

— Ахъ, это вы, Стукинъ? поднялъ голову управляющій. — Я хотѣлъ поговорить съ вами вотъ о чемъ... Господинъ главный кассиръ говорилъ мнѣ... но я не знаю, насколько это справедливо...

— Виноватъ-съ, Иванъ Алексѣевичъ... Я уплачу-съ... Все уплачу... Я не знаю, зачѣмъ только портной это сдѣлалъ... Я всегда ему плачу и только послѣдніе два мѣсяца... перебилъ его Стукинъ.

— Какой портной? Какіе два мѣсяца? вскинулъ на него глаза управляющій. — Я никакого портного не знаю.

— Изволите видѣть, я спилъ себѣ у портного платье въ долгъ...

— Ахъ, да, да... Но про портного я не знаю, я не слыхалъ. Мнѣ нашъ старшій кассиръ говорилъ вообще, что вы нуждаетесь, и я, видя ваше стараніе, хотѣлъ помочь вамъ въ вашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Вѣдь вы холостой?

— Совершенно холостой, но у меня сестра вдова съ ребенкомъ на моемъ попеченіи — вотъ я отчего... А жалованья получаю всего сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Какъ тутъ жить?

— Съ этого мѣсяца я велю вамъ выдавать по шестидесяти рублей.

— Очень вамъ благодаренъ, Иванъ Алексѣевичъ. Я заслужу...

— Если вы холостой, то можете вполне заслужить.

— Холостой-съ, то-есть, какъ есть холостой... Никого у меня нѣтъ-съ... и никогда я этимъ не занимаюсь-съ... Въ этомъ будьте покойны, Иванъ Алексѣевичъ. Ежели вамъ кто-нибудь сказалъ объ этомъ, то навралъ-съ... Помилуйте, изъ какихъ мнѣ средствъ?.. Вѣдь вы сами знаете, дамы требуютъ и подарковъ, и все эдакое... Вотъ вамъ крестъ святой...

— Не божитесь, не божитесь. Я вѣрю... Скажите, какъ васъ звать?

— Игнатіемъ Кириловымъ...

Управляющій взялъ листикъ бумажки и написалъ на немъ карандашемъ «Игнатій Кириловичъ Стукинъ».

— Что вы стоите, Игнатій Кириловичъ? Садитесь, пожалуйста... прибавилъ онъ.

— Ничего-съ, я постою, Иванъ Алексѣевичъ.

— Садитесь, садитесь. Мнѣ съ вами поговорить надо, а я не люблю разговаривать, когда передо мной стоятъ. Вотъ такъ. Вы курите? Курите, если хотите. Вотъ вамъ и папироска.

Стукинъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ. Онъ робко сѣлъ, но до папироски не дотронулся.

— Скажите, отчего вы не женитесь? задалъ ему вопросъ управляющій.

— Хе-хе-хе, Иванъ Алексѣевичъ, захихикалъ Стукинъ. — Доходы не позволяютъ.

— Вздоръ. Женатому человѣку несравненно выгоднѣе жить. Вы не тратите деньги ни на трактиръ, ни на...

— Да я и такъ, Иванъ Алексѣевичъ... У меня сестра вдова...

— Ну, а если бы я вамъ предложилъ невѣсту съ приданымъ?

— Годы ужъ ушли, Иванъ Алексѣевичъ. Вѣдь мнѣ сорокъ семь.. Хорошая невѣста за меня не пойдетъ, а...

— Напротивъ, я вамъ предлагаю красавицу... Красавицу и съ приданымъ. Желаете ее видѣть, такъ вотъ ея портретъ. Зовутъ ее Матильда Николаевна.

Управляющій вынулъ изъ кармана фотографическую карточку красивой женщины и подалъ ее Стукину. Стукинъ посмотрѣлъ и захихикалъ.

— Шутить изволите, Иванъ Алексѣевичъ: такая за меня не пойдетъ, сказалъ онъ.

— А я вамъ говорю, что пойдетъ; пойдетъ и приданое принесетъ, деньги, которые поступать прямо къ вамъ въ руки. Вы, Игнатій Лукьянычъ...

— Кирилычъ-съ...

— Вы, Игнатій Кирилычъ, молитесь Богу... Молитесь... Надъ вами восходитъ звѣзда. Да-съ. Вы знаете нашего директора Лавра Петровича Хрустальникова?

— Какъ не знать-съ... Особа извѣстная...

— Такъ вотъ-съ эта особа обратила на васъ свое милостивое око и желаетъ васъ облагодѣтельствовать.

— Господи! Да за что же такое счастье? Они меня совсѣмъ не знаютъ.

— Не знаютъ, но я на васъ указалъ. Онъ просилъ указать достойнаго, и я указалъ на васъ... Да что вы не курите? Курите. Вотъ и я закурю.

Стукинъ взялъ папироску и сталъ ее закуривать.

— Не съ того конца, не съ того конца... остановилъ его управляющій.

— Виновать-съ... Это съ радости... Такое неожиданное счастье!

— Именно счастье, и я очень радъ, что вы умѣете цѣнить его, подхватилъ управляющій.—Ну-съ, будемъ говорить прямо... Я экивоковъ не терплю. Эта дама, которую вы видите на фотографической карточкѣ, принадлежитъ нашему директору Хрустальникову. Она его дама. Онъ женатъ, но вы понимаете, что человѣкъ не можетъ быть безъ привязанностей. Такъ вотъ эту-то даму онъ и желалъ бы пристроить, выдать замужъ. Онъ просилъ меня сыскать ей жениха, и мой выборъ палъ на васъ.

Стукинъ хотѣлъ затянуться папироской, сунулъ ее въ ротъ не тѣмъ концомъ, ожегся и сталъ отплеиваться.

— Такъ желаете, Лукьянъ Семенычъ? спросилъ управляющій.

— Игнатій Кирилычъ-съ...

— Да... Игнатій Кирилычъ... Такъ желаете, Игнатій Кирилычъ?

Стукинъ отвѣчалъ не вдругъ.

— Объ этомъ надо подумать, Иванъ Алексѣевичъ.

— Думать тутъ нечего. Вы получите въ день свадьбы тысячу рублей на руки, а ежели сумѣете понравиться Хрустальникову, то можетъ быть и больше. Кромѣ того, вы будете имѣть протекцію въ лицѣ директора, будете жить въ хорошей обстановкѣ при красавицѣ-женѣ. Итакъ рѣшайте, и тогда я васъ завтра же представлю Хрустальникову.

— Я долженъ посоветоваться съ сестрой-съ, Иванъ Алексѣевичъ, отвѣчалъ Стукинъ.

— О такихъ предметахъ съ сестрами не совѣтуются.

— Умомъ пораскинуть надо.

— Я не понимаю, что тутъ раскидывать? Вы человѣкъ нуждающійся, а выгода явная. Вотъ, наконецъ, ежели бы вамъ предлагали жениться на какомъ-нибудь уродѣ, а то вамъ предлагаютъ красавицу...

— Такъ-то оно такъ, но вѣдь я полагаю, что Лавръ Петровичъ будутъ попрежнему...

— Что попрежнему?

— Да будутъ попрежнему и ѣздить къ нимъ-съ... то-есть, къ оной дамѣ...

— А что жъ изъ этого? Какіе глупые предразсудки! Это еще даже и лучше. Ревновать, что ли? Какъ это глупо! Вы, очевидно, мой милый, не знаете свѣта. Это нынче въ модѣ, въ порядкѣ вещей... Вы даже, напротивъ того, должны въслѣдствіи все возможное дѣлать, чтобы Хрустальниковъ не охладѣлъ къ этой дамѣ. Неужели вамъ непріятно быть въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ вашимъ директоромъ?

— Какъ непріятно? Даже очень пріятно...

— Ну, то-то... Ахъ, да... Онъ обѣщался быть и посаженнымъ отцомъ невѣсты и, кромѣ того, отцомъ крестнымъ будущихъ дѣтей. На ребенка двѣ тысячи... перечислялъ всѣ выгоды управляющій. — Такъ согласны? спросилъ онъ.

— Право, ужъ не знаю, Иванъ Алексѣевичъ... заминался Стукинъ.

— Вы глупы, Парфеновъ... Я васъ считалъ умнѣе.

— Стукинъ-съ.

— Ну, Стукинъ. Для глупости, что Стукинъ, что Парфеновъ — все одно.

Управляющій начиналъ сердиться.

— Чего вы пепель-то папироски на полъ сорите? Пепельница есть... возвысилъ онъ голосъ.

— Виноватъ-съ, отвѣчалъ Стукинъ и погасилъ папироску.

— Ну-съ, можете идти. И дайте мнѣ завтра рѣшительный отвѣтъ.

— Слушаю-съ. Я полагаю, что я буду согласенъ. Стукинъ поднялся съ мѣста.

— Еще бы не согласиться! Вѣдь это только дуракъ какой-нибудь... Ну-съ... Въ случаѣ согласія будете перечислены на шестидесятирублевый окладъ и получите пятьдесятъ рублей единовременнаго предварительнаго пособія, а не будете согласны, такъ у меня и кандидатъ на ваше мѣсто имѣется. Идите.

Стукинъ поклонился, какъ-то съежился и задомъ вышелъ изъ кабинета.

ГЛАВА III.

НА ЛАЖИВАЕТСЯ.

Въ директорской комнатѣ Общества Дешеваго Торговаго Кредита сидѣлъ самъ директоръ Лавръ Петровичъ Хрустальниковъ, пыхтѣлъ и курилъ сигару, колыхая кругленькимъ брюшкомъ. Передъ нимъ въ почтительной позѣ стоялъ конторщикъ правленія общества Игнатій Кириловичъ Стукинъ. Плюгавенькая фигурка его на сей разъ была облечена въ черную сюртучную пару, нѣсколько повытертую по поблѣввшимъ швамъ, и на шеѣ былъ повязанъ темносиній новый галстукъ. Сапоги, хоть и съ заплатками, но были тщательно вычищены. Даже вѣчно торчащій вихоръ на головѣ былъ примазанъ гвоздичной помадой, запахъ которой сейчасъ же давалъ себя знать въ комнатѣ. Стукина только что сейчасъ ввелъ въ директорскую управляющій правленіемъ общества Иванъ Алексѣевичъ Безпутновъ.

— Самъ я вамъ не нуженъ, Лавръ Петровичъ? спросилъ управляющій.

— Нѣтъ... Дайте намъ маленькій тетъ-а-тетъ съ мосье...

Директоръ остановился, заглянулъ въ лежащій передъ нимъ листъ бумажки и сказалъ:

— Съ мосье Стукинымъ.

Управляющій юркнулъ за дверь.